

УДК 316.3(470)
ББК 60.52(2Рос)
© Козлов Д.В.

ИДЕОЛОГИЯ ГРАЖДАНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

КОЗЛОВ ДМИТРИЙ ВИКТОРОВИЧ

кандидат исторических наук, доцент, научный директор
Межрегионального института общественных наук
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Иркутский государственный университет»
E-mail: mimo@hist.isu.ru

В статье рассматривается эволюция темы гражданства и использования понятия «гражданство» в российском обществе.

Рассмотренные тенденции, характерные для идеологии гражданства в современной России, позволяют констатировать, что в условиях слабости гражданского компонента развития нации усиливается ее культурная (часто интерпретируемая в этническом ключе) компонента, которая накладывается на специфическое постсоветское восприятие государства с помощью патерналистских дискурсов, парадоксальным образом сосуществующих и взаимодействующих с дискурсами полного недоверия государству и отрицания его легитимности. В этих условиях сохраняется и воспроизводится советский режим восприятия гражданства как статуса, обеспечивающего всяческие социальные гарантии, единственным источником воспроизводства которых выступает государство.

Идеология, гражданство, миграция, этнический национализм, политическая культура, социальный патернализм.

Тема гражданства в современной России не является одной из самых обсуждаемых. Само понятие «гражданин» часто рассматривается как нечто само собой очевидное и не требующее дополнительных усилий для концептуализации. Обычно тематика гражданства возникает в пафосном, официальном ключе как неизменное право россиянина (этому соответствуют такие ситуации, как получение первого паспорта молодым человеком или торжественное вручение наград представителями власти «лучшим из луч-

ших»). Проблематизация связана с темой миграции и споров вокруг разных режимов принятия мигрантов и проблем их адаптации. Тема также возникает при размышлениях о судьбах соотечественников, да и о самом понятии «соотечественник». Если говорить о внутривнутриполитических проблемах, то идея уважения политических прав как одной из основных составляющих понятия «гражданин» концептуализируется в разных оппозиционных программах, заметно проявившись, например, в движении против фальсифика-

ции результатов выборов парламента и президента в 2011 – 2012 гг. Восприятие мигрантов принимающим обществом и восприятие режимов гражданства в этом же обществе взаимосвязаны и взаимодействуют. Согласно предположению известного исследователя Р. Брубейкера, отношение государства к иммиграции и иммигрантам (как к их допуску на территорию, так и к возможности их натурализации) определяется тем, каким образом в этом государстве понимается нация. Если она трактуется преимущественно в политических терминах – как сообщество, формируемое общностью территории, то есть как гражданское сообщество – то законодательство о гражданстве будет более «инклюзивным». Если же нация понимается преимущественно в этнических терминах – как группа, объединенная общностью происхождения, – то законодательство о гражданстве более «эксклюзивно», а возможности натурализации иммигрантов крайне ограничены. Демонстрируя этот тезис, Брубейкер опирался на примеры Франции и Германии как на два противоположных случая: первый – пример господства гражданской концепции нации, второй – пример этнического понимания ее природы.

Развивая этот тезис Брубейкера, можно предположить, что определение гражданства внутри страны влияет и на определение соотечественников вне ее. Исследователи сходятся во мнении, что для современной России характерным является тренд в сторону этнизации гражданства. Соответственно, этот процесс задает и формат определения соотечественников. Такая этническая интерпретация гражданства коррелирует и с общим трендом развития этнического национализма в современной России. Но можно попытаться дать и более сложную интерпретацию этих процессов. Сложность в этом случае будет обусловлена двумя причинами. Во-

первых, мы можем говорить о меняющейся методологии исследований гражданства, связанной со всплеском интереса к данной тематике во всем мире. И второе, собственно, сам объект – динамика посткоммунистического гражданства, где сочетаются влияние советского наследия, советских интерпретаций и новых реалий. Остановимся подробнее на этих двух моментах. Традиционное для исследований гражданства понимание отталкивается от триады прав, описанных Маршаллом. Речь идет о личных, политических и социальных правах [1, с. 12]. Часто такое понимание редуцируется до юридического – просто как запись в паспорте.

На самом деле все не так просто. Очевидно, что тема гражданства оказывается в центре взаимоотношений личности и государства. Но ведь государство можно рассматривать не только как юридическое понятие, юридическую категорию, но и как продукт меняющегося «социального воображаемого». Это «воображаемое» тесно связано с чувствами людей, с их идентификацией с государством. Все это предполагает меняющееся участие социальных акторов в нарративах об институтах и идеологиях государства. Таким образом рассматриваемое гражданство предстает как динамический процесс, связанный с феноменом лояльности и принадлежности, включенности. Подобные подходы основаны на постклассических исследованиях гражданства, преодолевающих прежнее рассмотрение института гражданства лишь в юридических терминах. Внимание переносится на принадлежность к «национально-политическому сообществу». Государство в этом случае выступает лишь как объект выражения лояльности, а идея принадлежности к нему отходит на задний план. Можно сделать вывод о том, что государство перестает доминировать в исследованиях гражданства.

Это не является случайным процессом и обусловлено следующими явлениями:

1. Глобализирующийся мир – не все резиденты государства являются его гражданами и не все индивидуумы подпадают под принадлежность к национальным государствам.

2. Неполитические идентификации – родство, племенные и религиозные связи играют в динамике гражданства такую же роль, как и государство.

3. Стирается грань между государством и обществом.

Интересно, что это усложнение соответствует и более пристальному прочтению самого классического текста Маршалла («Гражданство и социальный класс»). Исследователи (Б. Капустин, В. Малахов) размышляют о том, что линейная схема развития, «обкатанная» Маршаллом на примере истории Англии и связанная с последовательным наполнением гражданства разными видами прав – сначала личными (например, защита своей жизни и собственности, если только это не определено иначе решением уполномоченных государственных органов, или право на собственные мнения и верования), затем политическими (воздействие на состав и политику государственных органов, например, посредством участия в выборах корпуса представителей, которые затем становятся управителями или администраторами государственных институтов) и, наконец, социальными (гарантии со стороны государства элементарного прожиточного минимума и удовлетворения основных потребностей, которых либо принципиально нельзя достичь в одиночку, либо – усилиями лишь конкретного индивида) – не может рассматриваться как универсальная схема, даже в приложении к истории различных европейских стран [2, с. 210-223]. С одной стороны, можно говорить о различных представлениях о гражданстве в отдельных

странах, обусловленных особенностями их социальной и классовой структуры, политической системы, особенностями публичной сферы, господствующими идеологическими течениями, основными чертами политической культуры и т. п. С другой стороны, сами разные виды прав вполне могут вступать в противоречие и даже в конфликт друг с другом.

Вся эта сложность никуда не исчезает при обращении к теме восприятия гражданства в современной России. Переходя к теме советского наследия, можно сослаться на интересные исследования К. Вердери. Она рассуждает о том, что в посткоммунистических странах очень характерно рассматривать категорию гражданства с точки зрения включенности, которая противопоставляется исключенности [3, р. 15]. Причем включенность часто рассматривается с позиций этничности, обуславливающей принадлежность к общности. Отсюда включенность, принадлежность к государству выступает как гарантия прав и возможность быть субъектом. В таком случае гражданство предстает и продуктом «социально воображаемого», и продуктом, который произведен самим государством. В бывших социалистических государствах существовавшие социалистические наименования и определения государства – ключ к воображению государства, к тому, как оно воображается. К. Вердери приводит пример Румынии, где «государство – партия» рассматривалось как институт «отечески» и патерналистски принимающий мудрые и важные решения в интересах «всей семьи» – румынской нации. В СССР шли более сложные процессы. Их сложность связана с национальностями – институционализация национальности по-советски привела к тому, что этот феномен начал сложным образом взаимодействовать с концептом гражданства. К. Вердери провел исследование феномена «социально-

го патернализма». Естественным в таком случае является феномен постсоциалистической ностальгии по социальным гарантиям. Посткоммунистический социальный патернализм можно считать примером социального конструирования природы гражданства. Он подразумевает наличие определенных ожиданий взамен обязанностей по отношению к государству. Соответствующее отношение к государству очень распространено и в современной России.

Люди в постсоциалистических странах приучены к воображению гражданства через социальные гарантии (в этом проявляется специфика влияния прошлых коммунистических режимов). Но подразумевается, что эти права предоставляются не в равной степени. Разница связана с этничностью, полом, профессией. В Советской России пролетарское гражданство провозглашалось как гражданство внеэтническое и равное, но на практике проявлялось и как этнически окрашенное, и как иерархичное. Очень интересную гипотезу по этому поводу высказывает Ш. Фицпатрик в своей статье «Класс как аскриптивная категория». По мнению американской исследовательницы классы выступали как своего рода «приписанные» категории, напоминая в этом смысле дореволюционные сословия. Во многом это способствовало закреплению социальных отношений, характерных для традиционного общества, но описывались они с использованием марксистской идеологии. Важно, что разнообразные идентичности внегражданской природы (этнические, расовые, половые) влияли на взаимодействие государства и субъектов. Современная российская ситуация также связана с тем, что население не доверяет государству. То есть языки «государственности» существуют, но это не влияет на процесс легитимизации. Очень важными становятся неформальные практики

взаимодействия государства и общества. Размышляя о судьбах конструкта «этничности», необходимо помнить, что в СССР национальность рассматривалась как правовой статус, определяющий статус личности. В свою очередь территориальная и политическая идентичность отделялись от личностной и этнокультурной идентичности. Возникла сложная и противоречивая система знания/силы, связанная с восприятием национальной идентичности как социальной категории, отделяющая ее от государственности и гражданства и контролирующая ее формально-правовые формы выражения.

В 90-е годы происходит изменение отношения к национальности. Если рассуждать о современной России, это ярко проявляется в развитии разных концепций «русскости». В частности, можно говорить о таких понятиях, как

- 1) русская идентичность как «союзная» (сверхнациональная, имперская);
- 2) Россия как нация восточных славян (сюда же относятся белорусы и украинцы);
- 3) русские как русскоговорящие, независимо от происхождения;
- 4) расовые обозначения русских;
- 5) гражданские русские, что равнозначно российским.

В последнем случае это может быть связано с проявлением лояльности по отношению к государству и Конституции. В этих условиях гражданство для многих русских не является универсальной концепцией, отступая на второй план по сравнению с другими определениями. Этому соответствует непростая история использования понятия «гражданство» в российском обществе. Единственными сферами, где оно сохранялось, были административно-бюрократическая («гражданин, на выход!») или сфера уголовно-процессуальная («гражданин начальник»). Можно вспомнить и «гражданскую оборону» как обозначение необходимости

постоянной готовности к мобилизации перед лицом врага (правда, данное употребление всегда сопровождал целый шлейф шуточного, неформального его восприятия). Всплеск интереса и энтузиазма к идеологии гражданского общества на рубеже 80-90-х годов сменился скепсисом и апатией. Хотя, как уже отмечалось, дискурс гражданственности периодически возникает на фоне критики существующего политического режима. Согласно разным социологическим опросам для 80% населения России идентичность определяется через язык и культуру, а не через гражданство. Это отражается в становлении дискурса «вымирания русской нации», «геноцида русских». Политика государства коррелирует с таким дискурсом, например, через выстраивание государственного языка по отношению к иммиграции через язык квот, разрешений и регулирования. В этих условиях, например, интеграция мигрантов не рассматривается как политическое решение, а интерпретируется как угроза национальной идентичности. Соотечественники в таком случае предстают как фактор сохранения «русскости», как дополнительный источник «жизненных сил русского народа», как геополитический ресурс и т. п. Интересно полное отсутствие в России дискуссий о креативной силе мультикультурализма (в отличие, например, от англоговорящего мира). Язык аналитических центров, рассуждающих о подобного

рода проблемах, – это язык интересов государства, «стратегических задач», «судьбоносных решений».

Все рассмотренные тенденции приводят к тому, что в условиях слабости гражданского компонента развития нации усиливается ее культурная (часто интерпретируемая в этническом ключе) компонента, которая накладывается на специфическое постсоветское восприятие государства с помощью патерналистских дискурсов, парадоксальным образом сосуществующих и взаимодействующих с дискурсами полного недоверия государству и отрицания его легитимности. В этих условиях сохраняется и воспроизводится советский режим восприятия гражданства как статуса, обеспечивающего всяческие социальные гарантии, единственным источником воспроизводства которых выступает государство. Это напоминает социальные права из триады Маршалла. Но в данном случае идея политических прав как прав участия и вовлеченности в политический процесс не рассматривается самими российскими гражданами как необходимая и важная составляющая гражданства. Интересно также, что данный патерналистский дискурс гражданства коррелирует с современной идеологией оптимизации и повышения эффективности управления с «социальной точки зрения», где место граждан занимают различные группы населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Капустин, Б. Г. Гражданство и гражданское общество [Текст] / Б. Г. Капустин ; введ. ст. В. С. Малахов ; прилож. Т. Х. Маршалл. – М. : ГУ ВШЭ, 2011. – 223 с.
2. Малахов, В. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций [Текст] / В. Малахов. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 232 с.
3. Verdery, K. What Was Socialism, and What Comes Next? [Text] / K. Verdery. – Princeton, 1996. – 312 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Козлов Дмитрий Викторович – кандидат исторических наук, доцент, научный директор Межрегионального института общественных наук. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Иркутский государственный университет». Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, д. 1. E-mail: mimo@hist.isu.ru. Тел.: (3952) 20-22-70.

Kozlov D.V.

CITIZENSHIP IDEOLOGY IN MODERN RUSSIA

The article presents the evolution in the topic of citizenship and usage of the notion “citizenship” in the Russian society.

The author describes trends typical of the citizenship ideology in modern Russia allowing to state that amid weakness of civilian element of the nation’s development, its cultural (often it is interpreted in the ethnic aspect) component strengthens, which is imposed on the peculiar post-Soviet perception of the state with the help of paternalistic discourses that paradoxically coexist and cooperate with discourses of total mistrust of the state and denial of its legitimacy. Under the circumstances the Soviet regime of perceiving citizenship remains and reproduces as the status providing all kinds of social guarantees, in which the state acts as the single source of reproduction.

Ideology, citizenship, migration, ethnic nationalism, political culture, social paternalism.

REFERENCES

1. Kapustin B. G. *Grazhdanstvo i grazhdanskoe obshchestvo* [Citizenship Status and Civil Society]. Introduction V. S. Malakhov; Appendix T. Kh. Marshall. Moscow: GU VShE, 2011. 223 p.
2. Malakhov V. *Kul’turnye razlichiya i politicheskie granitsy v epokhu global’nykh migratsii* [Cultural Differences and Political Limits under Global Migration]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 232 p.
3. Verdery K. *What Was Socialism, and What Comes Next?* Princeton, 1996. 312 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kozlov Dmitrii Viktorovich – Ph.D. in History, Associate Professor, Scientific Director of the Interregional Institute of Social Sciences. Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education Irkutsk State University. 1, K. Marx Street, Irkutsk, Russia, 664003. E-mail: mimo@hist.isu.ru. Phone: +7(3952) 20-22-70.